

ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ

Ю. И. СЕМЕНОВ

О ПЕРИОДИЗАЦИИ ПЕРВОБЫТНОЙ ИСТОРИИ

К- Маркс и Ф. Энгельс, создав материалистическое понимание истории, заложили тем самым прочную методологическую основу для подлинно научной периодизации истории человеческого общества вообще, истории первобытности в частности. Крупный вклад в дело создания периодизации первобытной истории был сделан выдающимся американским этнографом Л. Г. Морганом¹.

Как известно, великая заслуга Л. Г. Моргана перед наукой состоит в открытии того, что основной ячейкой доклассового общества был род, что оно по своей структуре было родовым. В то же время он совершенно правильно отметил, что возникновение рода не совпадает с появлением человека, что родовое общество возникло на довольно позднем этапе развития человечества. Тем самым вся история его до становления классов естественно распалась на два основных крупных периода: дородовую эпоху и эпоху родового общества.

Состояние науки того времени не позволяло дать ответ ни на вопрос о времени сложения родовой организации, ни на вопрос о том, что ей предшествовало. Поэтому все, что писал Морган о возникновении рода и о предшествовавших ему формах (орда, живущая в промискуитете, кровнородственная семья, семья пуналуа), носит чисто гипотетический характер. В процессе дальнейшего развития науки вопрос о дородовом состоянии человечества стал постепенно проясняться.

Огромное значение для создания подлинной периодизации первобытной истории имело известное высказывание В. И. Ленина, содержащееся в его письме к А. М. Горькому (ноябрь 1913 г.). Раскрывая в нем сущность данного последним определения бога как комплекса идей, будящих и организующих социальные чувства, имеющих целью связать личность с обществом и обуздать зоологический индивидуализм, В. И. Ленин писал: «Почему это реакционно? Потому что подкрашивает поповско-крепостническую идею «обуздания» зоологии. В действительности «зоологический индивидуализм» обуздала не идея бога, обуздало его и первобытное стадо, и первобытная коммуна»².

Как явствует из рецензии В. И. Ленина на книгу А. Богданова «Краткий курс экономической науки»³ и работы «Государство и рево-

¹ Периодизация Моргана, ее историческое значение, достоинства и недостатки подробно рассмотрены в нашей статье «Учение Моргана, марксизм и современная этнография», «Сов. этнография», 1964, № 4, поэтому на данном вопросе мы задерживаться не будем.

² В. И. Ленин, Поли. собр. соч., т. 48, стр. 232.

³ В. И. Ленин, Поли. собр. соч., т. 4, стр. 36.

люция»⁴, под первобытной коммуной он понимал родовую коммуну, род. Термином «первобытное стадо» В. И. Ленин обозначал, как это видно из контекста, первую форму объединения людей, первоначальный человеческий коллектив, непосредственно возникший из предшествовавшего ему стада животных и существовавший вплоть до своего превращения в первобытную родовую коммуну. Но В. И. Ленин не просто ввел единый термин для обозначения родового состояния человечества. Он, и это главное, раскрыл сущность этого периода и тем указал на его реальное единство и коренное отличие от всей последующей истории человечества. Сущность периода первобытного стада состоит в том, что он представляет собой эпоху обуздания зоологического индивидуализма становящимися социальными отношениями, борьбы социального и биологического, иначе говоря, эпоху становления, формирования человеческого общества.

В приводимом высказывании В. И. Ленина получала свое дальнейшее развитие выдвинутая Ф. Энгельсом в работе «Роль труда в процессе превращения обезьяны в человека» мысль о существовании длительного периода превращения стада животных в человеческое общество, являющегося одновременно и периодом трансформации животного в человека⁵. В. И. Ленин не только раскрыл сущность этого периода и ввел для его обозначения четкий и ясный термин «первобытное человеческое стадо», но и дал ответ на вопрос, в какой конкретно форме возникло подлинное сложившееся человеческое общество. Оно появилось со сменой первобытного стада родом, в форме родового общества. Тем самым была раскрыта и сущность родового общества, состоящая в том, что оно является первой конкретно-исторической формой существования подлинного человеческого общества, первой ступенью в его развитии.

Положения Ф. Энгельса и В. И. Ленина нашли свое подтверждение и конкретизацию в работах советских этнографов, археологов, антропологов, в которых, в частности, было показано, что эпоха первобытного человеческого стада совпадает с (ранним) палеолитом и является временем существования формирующихся людей — питекантропов (и других сходных с ними форм) «неандертальцев и что смена раннего палеолита поздним является временем возникновения родовой организации и трансформации неандертальцев в людей современного физического типа.

В настоящее время подавляющее большинство советских ученых выделяет период первобытного человеческого стада и рассматривает его как время становления человека и общества. Однако между ними существуют разногласия по вопросу о месте этого периода в истории человечества.

Одни исследователи отстаивают взгляд на эпоху первобытного человеческого стада как на первый из трех (реже — двух) этапов развития первой в истории человечества общественно-экономической формации — первобытно-общинной⁶. Другие выступили с критикой такой точки зрения. Ими было обращено внимание на то, что качественная грань между первобытным стадом и родовым обществом не только не менее зна-

⁴ В. И. Ленин, Поли. собр. соч., т. 33, стр. 10.

⁵ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 20, стр. 489—491.

⁶ См., например, П. П. Ефименко, Первобытное общество, Киев, 1953; А. Л. Монгайт, Археология в СССР, М., 1955; М. О. Косвен, Очерки истории первобытной культуры, М., 1957; П. И. Борисковский, Древнейшее прошлое человечества, М., 1957; А. И. Першиц, Развитие форм собственности в первобытном обществе как основа периодизации его истории, «Труды Ин-та этнографии», т. LIV, М.—Л., 1960 и др.

чительная, чем рубежи между родовым обществом и рабовладельческим, рабовладельческим и феодальным и т. п., т. е. общественно-экономическими формациями, но наоборот, несравненно более глубока, ибо она отделяет формирующееся общество от общества готового, сформировавшегося, тогда как последние отделяют одну конкретно-историческую форму существования сложившегося общества от другой его формы. Отсюда был сделан вывод, что история человечества прежде всего делится на два основных крупных периода: историю первобытного человеческого стада (эпоху формирования человеческого общества) и историю человеческого общества (эпоху развития сформировавшегося общества) и что категория «общественно-экономическая формация» применима лишь для характеристики конкретно-исторических форм существования сложившегося общества⁷.

Нам эти положения представляются совершенно верными. Принятие их требует пересмотра понятия «первобытно-общинная общественно-экономическая формация». Под этим термином в настоящее время объединяются и рассматриваются как нечто целое две несоизмеримые величины: один из двух основных периодов истории человечества — период формирования общества и один из этапов следующего основного периода — периода развития уже сформировавшегося общества. Объединение периода первобытного стада с начальным этапом истории сложившегося общества и противопоставление этой конструкции всем остальным этапам истории общества как первой общественно-экономической формации в настоящее время нельзя считать оправданным. В действительности первой общественно-экономической формацией, т. е. первой конкретно-исторической формой существования человеческого общества, является родовое общество.

Все приведенные выше выводы не только не находятся в противоречии с марксистским взглядом на историю человечества, но прямо следуют из выдвинутого Ф. Энгельсом и развитого В. И. Лениным положения о существовании особого периода формирования человеческого общества, отличного от периода развития готового общества. Более того, имеются определенные основания полагать, что эти выводы впервые были сделаны В. И. Лениным. В пользу подобного предположения говорит следующее: В. И. Ленин, неоднократно подчеркивавший, что первобытной родовой коммуне предшествовало первобытное стадо⁸, в то же время как на первую общественно-экономическую формацию указывал на первобытный родовой коммунизм⁹.

Необходимым представляется нам не только пересмотр понятия «первобытно-общинная формация», но и вообще полный отказ от этого термина. И дело совсем не в том, что употребление старого термина в новом смысле неизбежно приведет к путанице. Неудачен этот термин и сам по себе. В отличие от таких, как «рабовладельческое общество», «феодальное общество» и т. п., обозначающих тип производственных отношений и тем самым выражающих сущность этих общественно-экономических формаций, термин «первобытно-общинная формация» не выражает специфики производственных отношений. Будучи крайне расплывчатым и неопределенным, термин «первобытная община» применяется и применяется для обозначения самых различных общественных форм. Как первобытную общину характеризуют и первобытное стадо не-

⁷ Подробное обоснование этих выводов см. в нашей работе «Возникновение человеческого общества», Красноярск, 1962. См. также В. П. Якимов, «Антропогенез» «Философская энциклопедия», т. I, 1960.

⁸ См. В. И. Ленин, Поли. собр. соч., т. 33, стр. 10; т. 48, стр. 232.

⁹ В. И. Ленин, Поли. собр. соч., т. 4, стр. 36.

андертальцев, и материнскую родовую коммуну, и патриархальный род, и большую семью и, наконец, соседскую общину.

Необходимо отметить, что классики марксизма термина «первобытно-общинная формация» никогда и нигде не употребляли. Термин «первобытная община» встречается наряду с другими в работах К. Маркса и Ф. Энгельса, написанных до ознакомления с трудом Л. Г. Моргана «Древнее общество». В работе «Происхождение семьи, частной собственности и государства» Ф. Энгельса этот термин не встречается. Последний везде говорит о «родовом строе», «родовом обществе», «древнем коммунизме», «коммунистических общинах»¹⁰. Никогда не пользовался термином «первобытная община» В. И. Ленин. Он писал о «гентильной организации», «клановом обществе», «первобытной коммуне», «первобытном коммунизме», «первобытном родовом коммунизме»¹¹.

В советской литературе 1920—1930-х гг. наиболее часто встречались термины «родовое общество», «первобытно-коммунистическое общество», «первобытный родовой коммунизм». Исчезли они из употребления лишь после выхода в свет работы И. В. Сталина «О диалектическом и историческом материализме», в которой впервые появился термин «первобытно-общинный строй». На наш взгляд, именно эти термины — «родовое общество», «первобытно-коммунистическое общество», «первобытный родовой коммунизм» — и являются наиболее удачными. Достоинство их в том, что они обозначают тип производственных отношений и тем выражают сущность общественно-экономической формации. Первая общественно-экономическая формация была родовой, первобытно-коммунистической.

После выделения первобытного человеческого стада в качестве первого из двух основных периодов истории человечества, проблема периодизации первобытной истории распалась на две: проблему периодизации истории первобытного человеческого стада и проблему периодизации начального этапа истории сформировавшегося человеческого общества, охватывающую время от появления родовой организации до возникновения классового общества. Мы не будем здесь останавливаться на периодизации истории первобытного стада, ибо этот вопрос подробно рассмотрен в нашей работе «Возникновение человеческого общества». Отметим лишь, что в эволюции первоначальной формы объединения людей нами было выделено два основных этапа: эпоха первобытного стада с неограниченным промискуитетом и эпоха тотемистического первобытного стада с ограниченным (во времени) промискуитетом.

В периоде, охватывающем время от возникновения родового общества до его превращения в классовое, также довольно отчетливо выделяются два качественно отличных этапа: эпоха существования и развития родового коммунистического общества и эпоха трансформации родового общества в классовое. Выделение этих двух эпох намечается уже в работе Л. Г. Моргана «Древнее общество», в которой для обозначения второй из них был введен специальный термин — «военная демократия». Этот термин употребляется и в труде Ф. Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства», в котором была глубоко раскрыта сущность процесса разложения родового общества и становления классового.

¹⁰ См. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 21, стр. 26, 54, 56, 97, 98, 108, 164, 168, 174, 176 и др.

¹¹ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 1, стр. 149; т. 4, стр. 36; т. 33, стр. 10; т. 39, стр. 68; т. 48, стр. 232.

По существу именно эти две эпохи выделяются и авторами всех основных предлагаемых в настоящее время схем периодизации первобытной истории: С. П. Толстовым, называющим первую — эпохой первобытной общины (материнского рода), а вторую — эпохой военной демократии¹², М. О. Косвен, характеризующим первую как эпоху родового строя, а вторую — как эпоху военной демократии¹³, А. И. Першицем, именуя первую эпохой первобытной родовой общины, а вторую — эпохой первобытной соседской общины¹⁴. Однако по вопросу, каковы, конкретно признаки перехода от первой эпохи ко второй и где, следовательно, проходит грань, разделяющая их, между указанными авторами-существуют разногласия.

Противоречивую позицию в этом вопросе занимает М. О. Косвен. С одной стороны, он полностью принимает глубоко обоснованное Ф. Энгельсом положение о том, что переход от материнского счета родства к отцовскому является результатом возникновения и развития частной собственности, иначе говоря, соглашается с тем, что появление патриархального рода свидетельствует о сравнительно далеко зашедшем процессе разложения родовой коммуны, а с другой — относит патриархат не к эпохе разложения родового общества, эпохе военной демократии, а к предшествовавшей ей эпохе, рассматривая его как вторую стадию развития родового строя. В результате, настаивая на необходимости противопоставления эпохи военной демократии эпохе родового строя, он в то же время не может сколько-нибудь отчетливо отграничить их друг от друга. Такие явления, как возникновение частной собственности, образование имущественного неравенства, появление моногамии, рассматриваемые им в работе «К вопросу о военной демократии» как признаки перехода от патриархата к военной демократии¹⁵, в одном из более ранних трудов связываются им с переходом от матриархата к патриархату¹⁶.

Вызывает недоумение утверждение М. О. Косвена, что военная демократия может прийти на омету лишь патриархату, но ни в коем случае не матриархату, что эта стадия является не универсальной и отдельные общества могли ее миновать. Как признает сам М. О. Косвен, науке известны общества, в которых господствовал матриархат и которые тем не менее стояли на грани превращения в классовые¹⁷. Вряд ли можно сомневаться в том, что эти общества переживали эпоху разложения родовых и складывания классовых отношений. Отрицать, что они находились на стадии военной демократии, можно лишь в том случае, если вкладывать в термин «военная демократия» иной смысл, чем, просто эпоха перехода от родового общества к классовому. Утверждать, что военная демократия является «этапом распада первобытного строя», и перехода к классовому строю и государству¹⁸, и в то же время допускать возможность перехода от родового общества к классовому, минуя эпоху военной демократии,— значит противоречить самому себе.

А. И. Першиц значительно более последователен, чем М. О. Косвен. Отцовский род он рассматривает как форму распада первобытной родо-

¹² С. П. Толстов, К вопросу о периодизации истории первобытного общества, «Сов. этнография», 1946, № 1.

¹³ М. О. Косвен, Указ. раб.

¹⁴ А. И. Першиц, Указ. раб.

¹⁵ М. О. Косвен, К вопросу о военной демократии, «Труды Ин-та этнографии», т. LIV, М.—Л., 1960, стр. 251-252.

¹⁶ М. О. Косвен, Переход от матриархата к патриархату, Сб. «Родовое общество», «Труды Ин-та этнографии», т. XIV, М., 1951, стр. 84-86.

¹⁷ Там же, стр. 93-94.

¹⁸ М. О. Косвен, К вопросу о военной демократии, стр. 241.

вой общины и соответственно относит его к этапу разложения родового строя, который он именует эпохой первобытной соседской общины. Нам такое название не представляется удачным, ибо оно невольно наталкивает на мысль, что в возникновении и развитии соседской общины состоит сущность эпохи разложения родового строя и что она была основной экономической ячейкой общества в этот период. Между тем сам же А. И. Першиц подчеркивает, что возникновение этого социального образования является результатом более глубокого процесса, именно, становления частной собственности, социального расслоения, появления эксплуатации человека человеком, и что основной экономической ячейкой общества в этот период являлась большая семья. Необходимо, однако, отметить, что хотя А. И. Першиц и говорит о возникновении рабства и вообще эксплуатации человека человеком, но в целом, на наш взгляд, он недооценивает значения этого фактора в разложении родового строя. А между тем, именно в возникновении рабства и вообще эксплуатации человека человеком и состоит существо процесса трансформации родового общества в классовое.

Сущность этой переходной эпохи была глубоко схвачена С. П. Толстовым в его работе «Военная демократия» и проблема «генетической революции». «Рабство,— писал он,— центральный стержень эпохи»¹⁹. И с этим положением, на наш взгляд, нельзя не согласиться. Появление рабства — первой формы эксплуатации человека человеком — есть рубеж, отделяющий эпоху родового общества от эпохи его превращения в классовое.

В указанных работах М. О. Косвена и А. И. Першица, а также в статье С. П. Толстова «К вопросу о периодизации истории первобытного общества» разобранные две эпохи рассматривались как следующие за первой — эпохой первобытного человеческого стада — соответственно вторая и третья стадии развития первобытно-общинной формации. По нашему мнению, как стадия развития первой общественно-экономической формации не может быть охарактеризована не только эпоха первобытного стада, но и эпоха превращения родового общества в классовое.

Последняя уже не может быть отнесена к обществу родовому, первобытно-коммунистическому, бесклассовому, ибо для нее характерно существование эксплуатации человека человеком. Но в то же время она еще не может быть отнесена и к обществу классовому, антагонистическому, ибо классы еще не оформились, еще не вызрел классовый антагонизм, не возникло государство. Общество этой эпохи уже не бесклассовое, но еще и не классовое, оно соединяет в себе черты и того и другого, является становящимся, формирующимся классовым обществом. Диалектически противоречивый его характер глубоко вскрыт в уже упоминавшейся статье С. П. Толстова «Военная демократия и проблема «генетической революции». «Общество эпохи военной демократии,— пишет он,— и доклассовое и классовое, точнее рабовладельческое, общество одновременно».

Период существования общества, становящегося, но еще не ставшее го классовым, не относится ни к родовой первобытно-коммунистической формации, ни к первой антагонистической. Он одновременно разделяет и связывает их, является периодом перехода от первой ко второй. Невольно напрашивается аналогия между переходом от первобытного родового коммунизма к первой антагонистической формации и перехо-

¹⁹ С. П. Толстов, *Военная демократия и проблема «генетической революции»*, «Проблемы истории докапиталистических обществ», 1935, № 7—8, стр. 206.

дом от капитализма к коммунизму (в широком смысле слова). Как известно, между капиталистической и коммунистической общественно-экономическими формациями лежит период революционного превращения первой во вторую, эпоха диктатуры пролетариата, -которая не может быть отнесена ни к капитализму, ни к коммунизму²⁰. Необходимость переходной эпохи обусловлена коренным различием между классовым обществом, высшей формой которого является капитализм, и обществом коммунистическим, бесклассовым. Общество, основанное на угнетении человека человеком, не может сразу превратиться в общество, основанное на дружбе и сотрудничестве. Противоположными по своим основным чертам были общество родовое и сменившая его первая классовая формация. Общество первобытно-коммунистическое, бесклассовое не могло сразу превратиться в общество, базирующееся на эксплуатации человека человеком. Необходим был переходный период.

Все сказанное позволяет нам уточнить рамки первой общественно-экономической формации — родовой первобытно-коммунистической. Временем ее существования и развития является период от возникновения родовой коммуны до появления эксплуатации человека человеком, до начала становления классового общества.

Из названных авторов лишь М. О. Косвен выделяет этапы внутри родового строя. Этими этапами, причем универсальными, являются, по его мнению, матриархат и патриархат. Нам эта периодизация представляется неудачной. В частности, совершенно неопределенным является у М. О. Косвена термин «матриархат». К матриархату он относит и раннее родовое общество с его коммунистической организацией хозяйства и полным равноправием мужчины и женщины²¹, и общество индейцев Северо-Западного побережья Северной Америки (тлинкиты, хайда, цимшиан)²² с развитой частной собственностью, рабством, далеко зашедшим социальным расслоением, принижением положением женщины²³, и характеризующиеся высоким положением женщины общества минангкабау и ашанти²⁴, из которых последнее либо стояло на самой грани превращения в классовое, либо уже было классовым²⁵. Нетрудно заметить, что объявление всех этих обществ матриархальными, во-первых, сводит матриархат по существу лишь к материнской филиации, ибо ее наличие чуть ли не единственное, что их объединяет, во-вторых, находится в непримиримом противоречии с данным самим М. О. Косвеном определением матриархата как первой ступени развития родового общества, ибо ни общество тлинкитов, ни общество ашанти отнести к ней невозможно.

Периодизация М. О. Косвена не только заставляет причислять к одной стадии развития общества, в действительности находящиеся на разных, но и относить к разным стадиям общества, в действительности находящиеся на одной и той же. Так, если придерживаться этой периодизации, то из числа обществ, переживающих эпоху становления классовых отношений, к этой стадии следует отнести лишь те из них, в которых уже возник отцовский счет родства, а все те, в которых сохраняется материнский счет родства, должны быть отнесены не просто к эпохе родового строя, но даже к начальной стадии его развития.

²⁰ См. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 19, стр. 17—19; В. И. Ленин, Поли, собр. соч., т. 33, стр. 35, 83—102, 185 и др.

²¹ М. О. Косвен, Очерки истории первобытной культуры, стр. 124.

²² М. О. Косвен, Переход от матриархата к патриархату, стр. 65—66.

²³ Ю. П. Аверкиев, К истории общественного строя у индейцев Северо-Западного побережья Северной Америки, «Труды Ин-та этнографии», т. LVIII, 1960.

²⁴ М. О. Косвен, Переход от матриархата к патриархату.

²⁵ См. «Народы Африки», М., 1956.

Корень ошибки М. О. Косвена заключается, на наш взгляд, в недооценке того, что в процессе развития доклассового общества происходит изменение не только формы родовой организации, но и самой сущности рода и родовых отношений. Род на ранней стадии своего развития и род в эпоху становления классовых отношений представляют собой качественно отличные явления, сходные лишь по форме. На первых стадиях эволюции первобытно-коммунистического общества производственные отношения полностью совпадают с родовыми²⁶. Поэтому, если последовательно придерживаться принципа — класть в основу периодизации истории общества изменения, происходящие в его базисе, то при выделении этапов эволюции раннего родового общества следует прежде всего принимать во внимание сдвиги в родовых отношениях. В процессе дальнейшего развития производственные отношения постепенно перестают совпадать с родовыми, и род в конце концов превращается в явление преимущественно лишь надстроечное. Если и теперь мы будем продолжать принимать за признак перехода от одного этапа эволюции общества к другому изменения в родовых отношениях, то тем самым неизбежно, сами того не замечая, отойдем от ранее принятого принципа периодизации и исказим действительность.

Своеобразной реакцией на взгляды М. О. Косвена и аналогичные им является точка зрения, изложенная в обстоятельном и в целом очень интересном труде немецкой исследовательницы И. Зеллнов «Основные принципы периодизации первобытной истории»²⁷. Если М. О. Косвен распространяет те положения, которые верны по отношению к ранней родовой организации, и на позднюю, то И. Зеллнов, наоборот, то, что справедливо по отношению к позднему роду, распространяет и на ранний, рассматривая родовую организацию на всем протяжении ее развития исключительно лишь как надстроечное явление. Соответственно, при выработке схемы периодизации первобытной истории она отказывается принимать во внимание изменения в родовой организации.

Непонимание того, что на ранних этапах своего развития род был формой организации общественного производства, а родовые отношения были одновременно и производственными, делает предложенную И. Зеллнов схему периодизации, содержащую, на наш взгляд, немало ценных моментов, крайне абстрактной, иссушает, обескровливает ее. Схема эта является настолько неконкретной, что создательница ее не смогла даже предложить для выделенных ею трех первых периодов такие наименования, в которых нашло бы выражение их качественное своеобразие. Она называет их просто ранним, средним и поздним. В этом отношении посчастливилось лишь четвертому, который получил название периода разложения первобытного общества.

Если четвертый период предложенной И. Зеллнов схемы совпадает, как видно из названия, с эпохой превращения родового общества в классовое, то средний и поздний вместе взятые соответствуют эпохе первобытно-коммунистической родовой формации, а ранний — эпохе первобытного человеческого стада. Необходимо отметить, что данная

²⁶ Это положение отнюдь не означает, что все родовые отношения были отношениями производственными, материальными. Как надстройка над материальными родовыми отношениями существовали идеологические родовые отношения. Положение о полном совпадении производственных отношений с родовыми означает лишь, что на этой стадии развития все производственные отношения были родовыми, т. е. что никаких других производственных отношений, кроме родовых, в это время не существовало.

²⁷ I. Sellnow, Grundprinzipien einer Periodisierung der Urgeschichte, Berlin, 1961.

И. Зеллнов характеристика среднего и позднего периодов первобытного общества (т. е. фактически первого и второго этапов развития родовой формации) заслуживает внимания. В ней много интересного и верного. Нам представляется совершенно правильным положение, что переход ко второму из названных периодов был ознаменован возникновением обмена и появлением в недрах продолжавшего существовать коллективного хозяйства индивидуального производства и связанного с ним индивидуального присвоения продукта. Однако в целом характеристика этих периодов страдает абстрактностью. Отдельные черты, характеризующие тот или иной период, не складываются в более или менее стройную, законченную систему. И это понятно. Невозможно дать экономическую структуру родового общества как что-то цельное, игнорируя его основную производственную ячейку—род, отрывая производственные отношения от родовых.

В основу излагаемой ниже схемы периодизации истории родовой первобытно-коммунистической формации и истории ее превращения в первую классовую формацию положены изменения в производственных отношениях, являющихся, как известно, отношениями материальными, возникающими и изменяющимися независимо от воли и сознания людей. Отдельные производственные отношения в каждом обществе существуют не изолированно друг от друга, а всегда образуют определенную единую систему общественного производства, определенный общественно-экономический уклад, являющийся основой, фундаментом, базисом определенного уклада всей общественной жизни²⁸. Лишь изменение уклада общественного хозяйства, а не просто тех или иных отдельных производственных отношений влечет за собой перестройку всего уклада жизни общества. Поэтому в основу выделения более или менее крупных периодов развития общества должно быть положено не исчезновение или появление тех или иных отдельных производственных отношений, а перестройка всей их системы, изменение общественно-экономического уклада.

Беря за основу периодизации истории родового общества изменения в системе производственных отношений, нельзя в то же время не учитывать, что на ранних стадиях его развития огромное влияние на форму производственных отношений оказывали отношения по детопроизводству²⁹. Без рассмотрения последних невозможно понять структуру производственных отношений раннего родового общества, специфику его общественно-экономического уклада. Только рассматривая эволюцию производственных отношений родового общества в неразрывной связи с развитием отношений по детопроизводству, можно создать такую схему периодизации, которая будет находиться в соответствии с действительностью.

Как и М. О. Косвен и И. Зеллнов, в эволюции родового общества мы выделяем два основных этапа, две основные фазы.

На первой фазе родового общества экономические, производственные отношения, с одной стороны, и половые, детопроизводственные — с другой, полностью исключали друг друга. Люди, входившие в состав одного хозяйственного коллектива, не могли вступать в половые отношения друг с другом. Производственный коллектив был строго экзогамным, т. е. был родом. Соответственно, люди, имевшие право вступать

²⁸ Подробнее по этому вопросу см. наши работы «В. И. Ленин о категории «общественно-экономический уклад», «Уч. зап. Красноярского пединститута», т. 18, 1960, и «Категория «общественно-экономический уклад» и ее значение для философской и исторической наук», «Философские науки», 1964, № 3.

²⁹ См. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 21, стр. 26.

в половые отношения, не могли принадлежать к одному хозяйственному коллективу. Они должны входить в состав разных производственных ячеек общества, а следовательно, и жить раздельно. Если экономический коллектив был экзогамным, то брак, возникший как отношения не между индивидами, взятыми сами по себе, а между коллективами, родами, как групповой, дуально-родовой, носил, если можно так выразиться, дисэкономический, а поэтому и дислокальный характер³⁰. Взгляд на первоначальный брак как на дислокальный, а тем самым и на хозяйственный коллектив раннего родового общества как на полностью экзогамный, отстаивали такие крупные советские этнографы, как С. П. Холстов³¹, А. М. Золотарев³², М. О. Косвен³³, причем по крайней мере последние два придерживались мнения, что переход от дислокального поселения половых партнеров к унилокальному произошел лишь после смены группового брака парным.

В силу дисэкономичности и дислокальности брака человек мог принадлежать только к тому коллективу, в состав которого входила его мать, и ни к какому другому. Принадлежность человека к полностью совпадавшему с родом определенному хозяйственному коллективу была столь само собой разумеющейся, что никакой потребности в исчислениях родства не было. Род практически был материнским, но это обстоятельство не осознавалось и не играло никакой роли³⁴. Формой осознания единства первоначального рода, как и формой осознания единства позднего первобытного стада, был тотемизм³⁵.

Первоначально все роды существовали в составе своеобразных систем, каждая из которых состояла из двух совершенно самостоятельных в хозяйственном, экономическом отношении экзогамных коллективов — дуально-родовых организаций. Вполне понятно, что дальнейшая судьба различных родов и дуально-родовых организаций не могла быть, совершенно одинаковой. Одни из них в силу тех или иных неблагоприятных обстоятельств исчезали. Другие в течение длительного периода времени существовали в относительно неизменном виде. Однако для многих коллективов характерным было связанное с развитием производительных сил увеличение их размеров. Оно не могло продолжаться беспрерывно. Рано или поздно такие коллективы распадались на дочерние, которые в свою очередь могли дать начало новым и т. д.

Результатом этого процесса было превращение дуально-родовой организации в дуально-фратриальную, а дуально-родового брака соответственно в дуально-фратриальный. В пользу предположения, что на данной стадии развития половые отношения могли осуществляться между членами двух фратрий независимо от их принадлежности к тому или иному определенному роду, говорит значительное число данных³⁶. Если бы между всеми коллективами, происшедшими от двух первоначальных,

³⁰ Обоснование положения об дисэкономическом и дислокальном характере первоначального дуально-родового брака содержится в нашей работе «Групповой брак, его природа и место в эволюции семейно-брачных отношений», М., 1964.

³¹ С. П. Толстое, Пережитки тотемизма и дуальной организации у туркмен, «Проблемы истории докапиталистических обществ», 1935, № 9—10.

³² А. М. Золотарев, Очерк истории родового строя, Рукопись, Архив Ин-та этнографии АН СССР, стр. 71—73, 121.

³³ М. О. Косвен, Авункулат, «Сов. этнография», 1948, № 1.

³⁴ Сходные мысли по данному вопросу содержатся в работе: С. А. Токарев, Родовой строй в Меланезии, «Сов. этнография», 1933, № 3—4, стр. 68 сл.

³⁵ См. по этому вопросу нашу работу «Возникновение человеческого общества», стр. 348—378.

³⁶ См. М. О. Косвен, Авункулат, стр. 9; Ю. П. Аверкиева, Указ. раб., стр. 15—16, 124 и др.

поддерживались постоянные прочные отношения, если бы между ними существовала бы прочная общность практической деятельности, то в таком случае для них были бы характерными полное единство языка и столь же полная идентичность культуры. Однако такое предположение лишено оснований. В ту эпоху более или менее постоянные связи могли существовать лишь между родовыми коммунами, жившими в непосредственном соседстве, причем эти связи не могли быть очень тесными. Это обуславливалось тем, что каждый род в хозяйственном отношении был совершенно самостоятелен. В результате язык и культура не могли быть абсолютно идентичны даже у коллективов, живших по-соседству, не говоря уже об удаленных друг от друга.

Языковые и культурные различия между родовыми коммунами, имевшими общее происхождение и жившими рядом, были столь незначительными, что не препятствовали взаимопониманию. Однако по мере того как мы будем сравнивать коллективы, хотя и имеющие общее происхождение, но живущие все в большом отдалении друг от друга, языковые и культурные различия между ними будут все время возрастать. Таким образом, все родовые коллективы, имевшие общее происхождение, должны были быть связаны языково-культурной непрерывностью, должны были образовывать очень своеобразную «ступенчатую» языково-культурную общность³⁷.

Разрастание этой языково-культурной общности не могло быть безграничным. Рано или поздно происходило ее разделение и тем самым превращение в общность более высокого порядка, объединяющую несколько языково-культурных общностей первого порядка. Разделению первоначальной языково-культурной общности способствовала территориальная изоляция части образовывавших ее коллективов от другой их части.

Ни описанные выше языково-культурные общности первого порядка, ни тем более общности более высоких порядков не могут быть названы племенами. Многочисленные данные, говорящие о том, что на ранних стадиях развития родового общества племен в полном и точном смысле этого слова не существовало, приведены в работах С. А. Токарева³³ и А. А. Формозова³⁹. В работе последнего, а также и целого ряда других исследователей⁴⁰ приведен фактический материал, свидетельствующий в пользу созданной С. П. Толстовым гипотезы о существовании в прошлом человечества «первобытной лингвистической непрерывности», вариантом которой является изложенная выше.

Как уже указывалось, в силу дисэкономического и дислокального характера брака производственный коллектив в ту эпоху целиком и полностью совпадал с родом. Соответственно производственные отношения полностью и целиком совпадали с родовыми. Род — единственно существовавший хозяйственный коллектив, единственная социальная ячейка — был подлинной коммуной. Являясь родовыми по своей форме, производственные отношения были коммунистическими или, пожалуй, лучше сказать, коммуналистическими по содержанию. Един-

³⁷ Эти первоначальные языково-культурные общности явились той основой, на которой в процессе дальнейшего развития возникли семьи языков, такие, например, как индоевропейская, урало-алтайская и др.

³⁸ С. А. Токарев, Родовой строй в Меланезии, стр. 31—33, 69.

³⁹ А. А. Формозов, Этнокультурные общности на территории Европейской части СССР в каменном веке, М., 1959.

⁴⁰ См. Н. А. Бутин, О первобытной лингвистической непрерывности в Австралии, «Сов. этнография», 1951, № 2; А. А. Леонтьев, Возникновение и первоначальное развитие языка, М., 1963, и др.

ственной формой собственности в ту эпоху была родовая коммуналистическая собственность. Не существовало личной собственности, было лишь личное, индивидуальное пользование вещами, принадлежащими родовой коммуне в целом. Весь производственный продукт прямо и непосредственно поступал в распоряжение родовой коммуны и совместно потреблялся ее членами. Носившее уравнительный характер распределение продукта было неразрывно связано с процессом его потребления, выступало по существу как момент этого процесса.

Существовавший на первой стадии родовой первобытно-коммунистической формации общественно-экономический уклад можно охарактеризовать как первобытный родокоммуналистический, а всю стадию в целом можно назвать фазой первобытной родовой коммуны, или первобытного родового коммунизма.

Переход ко второй фазе родового общества связан с появлением прибавочного продукта, пусть самого минимального. Как свидетельствуют данные этнографии, на определенной стадии развития и в определенных конкретных условиях прибавочный продукт может производиться, причем регулярно, в обществах, где основными занятиями людей являются охота и рыболовство⁴¹. Можно поэтому допустить, что и в историческом развитии человечества появление прибавочного продукта относится ко времени безраздельного господства присваивающего хозяйства⁴². Но прочная основа для регулярного его производства была заложена лишь с появлением в неолите земледелия и скотоводства.

Появление прибавочного продукта вызвало к жизни обмен и как следствие — первое общественное разделение труда, которое было разделением труда между коллективами и их объединениями — племенами, начавшими возникать на этой стадии развития.

Первоначально обмен производился лишь между родами, затем между индивидами, принадлежащими к разным родам, что подготовило и сделало возможным его проникновение и во внутрь самого коллектива. Как следствие, наряду с коллективной собственностью возникла и получила развитие личная, индивидуальная.

Появление прибавочного продукта создало возможность отрыва во времени распределения продукта от его потребления. Возникновение личной собственности способствовало превращению этой возможности в действительность. В результате распределение продукта стало одновременно и процессом его перехода из собственности коллектива в личную собственность его членов. На предшествующей стадии развития весь продукт без исключения, «как произведенный коллективно, так и добытый индивидуально, поступал в собственность коллектива и совместно потреблялся его членами. На новой стадии у работника возникает стремление к непосредственному личному присвоению индивидуально произведенного им продукта. И эта тенденция получает свое развитие по мере того как совершенствование производительных сил создает предпосылки для индивидуализации производственной деятельности. Однако на протяжении всей второй фазы она сталкивается с прямо ей противоположной тенденцией уравнительного распределения всего произведенного продукта без исключения. Результатом борьбы этих двух противоречи-

⁴¹ См., например, Ю. П. А в е р к и е в а, Разложение родовой общины и формирование раннеклассовых отношений в обществе индейцев Северо-Западного побережья Северной Америки, Труды Ин-та этнографии, т. LXX, М., 1961.

⁴² Во всяком случае несомненным является тот факт, что рано или поздно все этнические группы, независимо от форм своей хозяйственной деятельности, перешли рубеж, отделяющий первую фазу родового общества от второй. Науке не известен *v-i* один народ, который можно было бы отнести к первой фазе.

вых взаимоисключающих тенденций в сфере распределения было и дополнение сохранявшихся коммуналистических распределительных отношений возникавшими индивидуалистическими, и возникновение новых форм распределительных отношений, еще являющихся в своей основе уравнительными, коллективистическими, но уже несущими на себе в какой-то степени отпечаток индивидуалистической тенденции. В качестве примера можно указать хотя бы на распределительные отношения, существовавшие у центральных эскимосов⁴³.

Известное изменение в содержании производственных отношений, происшедшее с появлением прибавочного продукта, повлекло за собой и известное изменение их формы. Произошла перестройка самого производственного коллектива. Внутри его начали постепенно выделяться потребительские группы, ядро каждой из которых составляли женщина и ее дети. Стремясь по возможности лучше обеспечить свое потомство, женщина начинает требовать помощи в этом деле от принадлежащих к другому роду своих половых партнеров. Возникают парный брак и парная семья—объединение, состоящее из мужчины, женщины и детей.

По нашему мнению, вряд ли возможно согласиться со взглядом на парный брак как на чисто естественный союз мужчины и женщины, не имеющий под собой никакой экономической основы. Подобная точка зрения неразрывно связана с выдвинутой Л. Г. Морганом концепцией, согласно которой эволюция семейно-брачных отношений в первобытную эпоху состояла в происходившем под действием естественного отбора непрерывном сужении круга лиц, внутри которого существовала брачная общность. В настоящее время эта концепция не разделяется большинством советских ученых. Но отказ от нее делает совершенно необъяснимым возникновение парного брака как естественного института.

Взгляд на парный брак лишь как на естественный институт находится в противоречии с фактами. Этнографические материалы говорят, что везде, где существовал парный брак, между мужем и женой имела место какая-то форма экономического сотрудничества, какая-то форма хозяйственной связи. Эта связь была крайне слабой, непрочной, но она существовала. Раздувая эту связь, преувеличивая ее значение, буржуазные ученые пытались обосновать положение об изначальности моногамной семьи и частной собственности. Стремясь опровергнуть эти их выводы, некоторые советские ученые впали в другую крайность, встали на путь отрицания наличия у парной семьи какой бы то ни было экономической основы и тем сделали свои позиции уязвимыми для критики со стороны наших идейных противников. Утверждая, что парная семья не имеет никакой экономической базы, никто из них, однако, не смог доказать этого положения. Все приводимые ими факты говорили лишь о том, что экономические связи внутри парной семьи очень непрочны, но не больше⁴⁴.

Первоначально парный брак носил дислокальный характер. Упрочение хозяйственных связей между супругами привело через ряд промежуточных ступеней к превращению его в унилокальный⁴⁵. Появление

⁴³ См. Л. А. Файнберг, *Общественный строй эскимосов и алеутов*, М., 1964, стр. 116—119.

⁴⁴ См., например: Е. Ю. Кричевский, *Марксизм и социал-фашистские извращения в вопросах истории семейных отношений первобытного общества*, в сб. «К. Маркс и проблемы истории докапиталистических формаций», М.—Л., 1934.

⁴⁵ В определенных конкретных условиях брак мог оставаться дислокальным на протяжении почти всей второй фазы родового общества.

парного брака и парной семьи означало возникновение новых отношений между людьми, принадлежавшими к разным родовым коммунам. Эти отношения не сводились к половым, биологическим, они были не коллективные, а индивидуальные; появилась первая социальная ячейка, состоявшая из индивидов, принадлежавших к разным родам, и поэтому находившаяся вне рода. И какими бы непрочными ни были эти новые отношения, какими бы неустойчивыми ни были эти новые ячейки, их появление свидетельствовало, что родовые производственные отношения уже перестали полностью удовлетворять потребности общественно-го развития, что в развитии родового общества произошел какой-то перелом.

Это обстоятельство было отмечено Ф. Энгельсом. Указывая в «Происхождении семьи, частной собственности и государства» вслед за Морганом на естественный отбор как на фактор, действие которого привело к появлению парной семьи, он, с другой стороны, связывает ее возникновение с «развитием экономических условий жизни, следовательно, с разложением древнего коммунизма»⁴⁶. Эту же мысль он развивает в одном из своих примечаний к первому тому «Капитала», где подчеркивает, что «различные формы семьи развиваются лишь впоследствии из начавшегося разложения родовых союзов»⁴⁷.

С возникновением обмена и парной семьи производственные отношения перестали полностью совладать с родовыми. В результате появления парной семьи и унилокального поселения супругов производственный коллектив начал включать в свой состав людей, принадлежавших к разным родам, а члены одного рода стали входить в состав разных хозяйственных ячеек общества, иначе говоря, род и производственный коллектив перестали полностью и целиком совпадать, как это было на предшествующей ступени развития. Однако, перестав совпадать полностью, род и производственный коллектив продолжали совпадать в главном и основном. Костяком каждого конкретного хозяйственного коллектива было ядро какого-либо определенного рода.

Несовпадение рода и производственного коллектива вызывает необходимость в особых терминах для обозначения первого и второго. И такие термины появляются. Так, например, Г. Мердок называет экономическое объединение, имеющее своим ядром совокупность людей, принадлежащих к одному роду, кланом (clan), а сам род — сибом (sib)⁴⁸, Н. А. Бутинов предлагает называть такое экономическое объединение родовой общиной⁴⁹.

Проще всего было бы, сохранив за родом его прежнее название, именовать производственное объединение, имеющее свою основную, семейно-родовым коллективом. Однако в таком случае было бы стерто качественное различие между родом, каким он был на первой стадии родового общества, и родом, каким он стал на второй стадии. На первой фазе род совпадал с производственным коллективом, был первобытной коммуной. На второй фазе он в большинстве случаев перестал полностью совпадать с хозяйственным коллективом, перестал быть первобытной коммуной. Добавим, кстати, что первобытной коммуной не может быть назван и возникший новый производственный коллектив, ибо отношения в нем «е были уже в полной мере первобытно-коммунистическими.

⁴⁶ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 21, стр. 56.

⁴⁷ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 23, стр. 364.

⁴⁸ G. P. Murdock, Social structure, New York, 1949, стр. 47, 66—71.

⁴⁹ Н. А. Бутияев, Происхождение и этнический состав коренного населения Новой Гвинеи, Труды Ин-та этнографии, т. LXXX, М.—Л., 1962, стр. 180—181.

Возникновение парной семьи и объединение в рамках одного хозяйственного коллектива членов разных родов сделало и возможным и необходимым исчисление принадлежности к роду, т. е. появление определенного счета родства. Как правило, этот счет родства был материнским, хотя, на наш взгляд, полностью не исключена возможность появления у отдельных народов, находящихся на этой стадии, в определенных конкретно-исторических условиях и отцовского счета родства. Только с переходом ко второй фазе родового строя род стал матрилинейным в полном и точном смысле этого слова, из практически материнского стал и теоретическим (Материнским).

Различие между первобытной родовой **коммуной** и родом, каким он стал на второй фазе, столь велико, что требует закрепления в терминологии. Сохранив за родом, каким он был на первой фазе, название родовой коммуны, мы будем в дальнейшем называть род, каким он стал с переходом ко второй фазе, **кланом**. Производственное объединение, имеющее своей основой определенный клан, мы будем соответственно именовать **селейно-клановым коллективом**, а совокупность членов клана, входящих в такое объединение, — **клановым ядром**.

Возрастание числа членов семейно-кланового коллектива **могло** приводить к его распаду на два новых, самостоятельных объединения. Это неизбежно влекло за собой деление кланового ядра и соответственно самого клана «а две части. Но если возникшие семейно-клановые коллективы сразу же становились самостоятельными хозяйственными ячейками, то образовавшиеся две клановые группы долгое время могли по традиции рассматриваться не как самостоятельные кланы, какими они в действительности являлись, а как части одного и того же **клака**.

Если подходить формально, то следовало бы, оставив название «клан» за тем родственным объединением, которое продолжало считаться им, именовать образовавшиеся клановые группы **субкланами**. Так и делают зарубежные этнографы. У «их мы встречаем термины «сиб» и «субсиб», «клан» и «субклан» и т. п. Однако в таком случае термин «клан» приобретает второе значение, начинает применяться в двух разных смыслах. Но, с другой стороны, не вполне оправданным было бы употребление термина «клан» и для обозначения родственной группы, хотя по существу не отличающейся от клана, но в то же время не считающей себя самостоятельным кланом. В качестве выхода из положения можно было бы предложить именовать такие группы **субкланами**, а продолжающееся считаться кланом их объединение — **еуперкланом**. Так как субклан по своим функциям ничем не отличается от клана, то производственные объединения, имеющие своим костяком ядро субклана, мы также будем именовать **семейно-клановыми коллективами**.

Появление производственных коллективов, включающих в свой состав членов нескольких родов, вместе с развитием обмена и возникновением первого общественного разделения труда порождает на этой стадии развития тенденцию к образованию более или менее широких надродовых, надклановых объединений. По-видимому, на этой стадии развития начинается формирование племен.

Если общественно-экономический уклад, существовавший в первой фазе, мы охарактеризовали как родокоммуналистический, то существовавший во второй фазе можно назвать семейно-клановым коллективистическим. Образовавшиеся его производственные отношения были **семейно-клановыми** по форме, **коллективистическими** по своему содержанию. В целом вторая стадия развития родового общества

может быть охарактеризована как фаза семейно-кланового коллектива или семейно-кланового коллективизма. Специфическим для этой фазы является то, что хотя реальный производственный коллектив состоял из представителей разных родов, собственником основных средств производства по-прежнему считался род. Общественная собственность была не семейно-клановой, а клановой. Это обстоятельство способствовало формированию собственности, обособленной от коллективной, клановой, у тех индивидов, которые не входили в ядро семейно-кланового коллектива.

Сравнивая две фазы развития родовой формации, мы видим в них много общего. Характерными и для первой, и для второй являются коллективная собственность на средства производства и отсутствие эксплуатации человека человеком. Это позволяет родовую формацию в целом охарактеризовать как первобытно-коммунистическую. Но в то же время нельзя не видеть <и довольно существенного различия между двумя стадиями эволюции родового общества. Первая фаза — первобытного родового коммунизма — является первобытным родовым коммунизмом! в полном и точном смысле слова. Вторая характеризуется началом разложения этого родового коммунизма. Производственные отношения в эту эпоху постепенно перестают совпадать с родовыми. Родовые отношения перестают быть производственными. Наряду с общим коллективным хозяйством, являющимся в нормальных условиях основой существования, у каждой парной семьи появляется своеобразное подсобное хозяйство. Часть произведенного продукта начинает поступать в распоряжение индивидов, минуя коллектив. Получает развитие личная собственность, начинающая приобретать к концу этого периода черты частной. В результате, хотя в целом на этой стадии продолжало сохраняться равенство в основном и главном — в отношении к средствам производства, наряду с «им возникло неравенство в целом ряде отношений: в количестве вещей, находившихся в личной собственности, в распределении продукта труда, неравенство в отношениях между возрастными группами. Возникает на этой стадии и некоторое неравенство в отношениях между полами. В случае, когда клан является матрилинейным, возникает определенное преобладание женщины в общественной жизни, которое можно назвать зачаточным матриархатом. В тех редких случаях, когда клан является патрилинейным, возникает преобладание мужчины в общественной жизни, которое можно назвать зачаточным патриархатом. В основе указанного неравенства лежит то уже отмеченное обстоятельство, что, хотя производственные коллективы были семейно-клановыми, собственником основных средств производства являлся клан, фактически же его ядро.

Иначе говоря, на второй фазе родогао-го общества вызревают предпосылки для становления частной собственности и формирования классов. Она является фазой первоначального разложения родового общества, выводящего за пределы родового коммунизма, но еще не за рамки первобытного родового коммунизма в широком смысле слова. Таким образом, следует различать два смысла словосочетания «разложение родового коммунизма». В широком смысле слова оно началось с переходом к фазе семейно-кланового коллективизма. В узком смысле слова разложение родового коммунизма началось лишь с зарождением рабства. В узком смысле понятие «эпоха разложения родового коммунизма» совпадает с понятием «эпоха превращения родового общества в классовое».

Когда производство прибавочного продукта стало систематическим и регулярным и его масса превысила определенный уровень, возникла воз-

возможность эксплуатации человека человеком. Развитие личной собственности по линии ее превращения в частную, порождавшее жажду накопления и тем самым стимул к индивидуализации производства, что в свою очередь способствовало расширению обмена и усилению элементов имущественного неравенства, с неизбежностью вело к превращению этой возможности в действительность. На этой стадии пленные, которые раньше либо уничтожались, либо принимались в род, начали обращаться в рабов.

Возникнув первоначально лишь как момент семейно-кланового коллективистического уклада, рабство повлекло за собой его превращение в иную систему общественного производства. Появление рабства сделало возможным превращение ранее бывшего лишь подсобным семейного хозяйства в ведущую форму и соответственно разрушение коллективного хозяйства, развитие частной собственности, резкую имущественную дифференциацию в среде ранее в основном равных членов Коллектива. Однако на данной стадии индивидуальная семья не могла еще стать основной экономической ячейкой общества. Поэтому процесс разложения семейно-кланового коллектива был одновременно и процессом образования новых хозяйственных единиц — больших семей. Большие семьи синтезировались из парных, из которых только и состояли семейно-клановые коллективы. В дальнейшем развитии они снова распались на малые семьи, но уже ее парные, а моногамные.

Результатом всего этого было появление на месте семейно-кланового коллектива совокупности в значительной мере самостоятельно ведущих хозяйство больших, а позднее и малых семей. На смену коллективному производству пришло частное. И дело тут не в размерах хозяйственных ячеек. Даже между равными по числу работников семейно-клановым коллективом и большой семьей существует коренное, качественное различие. Семейно-клановый коллектив во многом был совершенно самостоятельным экономическим и социальным организмом. В силу этого семейно-клановые коллективы не выступали и не могли выступать по отношению друг к другу как частные собственники. Большие семьи могли существовать и существовали лишь как частички, как элементы более или менее крупного социального организма. Поэтому их хозяйства выступали по отношению друг к другу как частные. Еще в большей степени это относится к хозяйствам моногамных семей, которые были частными в полном смысле слова.

При рассмотрении способов производства, способов соединения работников со средствами производства часто из поля зрения исследователей выпадает такой, при котором человек одновременно является и частным собственником средств производства, и непосредственным производителем материальных ценностей. На основе этого способа производства, который можно было бы назвать мелкособственническим, могут возникнуть два уклада общественного хозяйства, отличающиеся друг от друга формами связи между мелкими самостоятельными производителями⁵⁰. Производство всегда носит общественный характер. Отношение человека к средствам производства всегда опосредствовано его отношением к другим людям. Мелких товаропроизводителей связывает рынок. Иной характер носят связи между мелкими самостоятельными производителями, хозяйство которых в своей основе является натуральным. Отдельные семьи (большие или малые), являющиеся основными хозяйственными ячейками, входят в состав более крупных экономических объ-

⁵⁰ Подробнее об этом см. Ю. И. Семенов, Категория «общественно-экономический уклад» и ее значение для философской и исторической наук, стр. 27—28.

единений, которые принято именовать соседскими или сельскими общинами и которые мы будем называть просто общинами. Характерным для последних является сочетание общинного землевладения с частным семейным землепользованием. Так как уклад мелкого натурального производства всегда предполагает существование семьи и общины, то его можно назвать семейно-общинным.

Таким образом, одной из сторон процесса разложения семейно-кланового уклада было становление семейно-общинного уклада. Разложение семейно-клановых коллективов было одновременно и процессом их превращения в общины. Община, непосредственно возникшая в результате разложения семейно-кланового коллектива, по форме мало чем отличалась от последнего. Ядро этой общины по-прежнему составляли члены одного рода, земля по-прежнему считалась родовой собственностью. Однако по своему содержанию община была образованием совсем иного типа, являясь не призводственным коллективом, а объединением семей, ведущих более или менее самостоятельное хозяйство.

Превращение семейно-клановых коллективов в общины было одновременно и процессом их консолидации, объединения. Для описываемой эпохи характерно возникновение целой иерархии общин. Община могла состоять из более мелких и в то же время являться частью более крупной. Поднимаясь по этой лестнице, мы совершенно незаметно переходим к племени и объединению племен. Спускаясь по ней, мы столь же незаметно переходим к большой семье. Грань здесь является столь относительной, что нередко трудно установить — с чем мы имеем дело: с большой семьей, т. е. объединением нескольких родственных семей, совместно ведущих хозяйство, или же с общиной, т. е. объединением нескольких (иногда тоже родственных) семей, хозяйничающих более или менее самостоятельно.

С исчезновением семейно-кланового коллектива с его общественным хозяйством коренным образом изменился и сам род. Производственные отношения перестали совпадать с родовыми. Родовые отношения перестали быть производственными. Род превратился в явление в основном лишь надстроечное, лишь в своеобразное публично-правовое образование. Качественное отличие рода, каким он стал в эту эпоху, от того, каким он был на второй фазе родового общества, не говоря уже о первой фазе, требует введения для его обозначения особого термина. В качестве его мы будем употреблять слово *гене*. Соответственно общину, образовавшуюся непосредственно на месте семейно-кланового коллектива, мы будем называть семейно-гентильной. Как правило, семейно-гентильная община входила в состав более крупной.

Родовая коммуна могла быть только материнской, клан, как правило, был матрилинейным и лишь в редких случаях патрилинейным. Что же касается генса, то он, как правило, был патрилинейным, и лишь в редких случаях — материнским. Переход к отцовскому счету родства был связан с превращением семьи из парной в моногамную, с утверждением патриархата в полном смысле слова, т. е. господства мужчины в семье и обществе, сопровождающегося принижением положением женщины.

Пока род был материнским, дети не могли наследовать отцу. Это затрудняло накопление собственности, мешало формированию новых экономических отношений. Материнско-родовые отношения мешали семье оформиться как основной ячейке общества. Переход к отцовскому счету родства не был просто победой отцовского рода над материнским. Он означал переход от родового порядка наследования к семейному, победу семьи над родом. В ряде случаев мы наблюдаем такое явление, когда ма-

теринский род исчезает, а отцовский не возникает⁵¹. Его функции переходят к большой семье и соседской общине. Однако известен и такой вариант преодоления несоответствия между материнским родом и семьей, как включение (мужчины в род жены)⁵². Такое положение нередко связано с установлением матриархата в полном смысле слова, т. е. утверждением господства женщины в обществе, сопровождающегося принижением положением -мужчины. Настоящий матриархат, как и настоящий патриархат, возникает лишь в эпоху превращения родового общества в классовое.

Но рабство не только вызывает превращение семейно-кланового уклада в семейно-общинный. Это лишь одна сторона процесса разложения родового коммунизма. Одновременно с превращением членов семейно-кланового коллектива в мелких более или менее самостоятельных производителей шло социальное расслоение в их среде. Эксплуатация рабов-сделала возможным быстрое накопление значительных богатств в руках отдельных лиц и выделение «з среды ранее равных членов коллектива экономически могущественной верхушки — родовой или гентильной знати, которая захватывает в свои руки посты родовых старейшин, племенных вождей и т. л. и использует власть для умножения богатств. На этой стадии развития родовые сородичи и соплеменники образуют тот аппарат насилия, опираясь на который родовая аристократия вовлекает в сферу своей эксплуатации все новые массы людей и держит их в повиновении. Формой становящейся диктатуры родовой знати была военная демократия.

Выделение рабовладельческой верхушки не могло не сопровождаться обнищанием рядовых членов общества, выражающимся, в частности, в появлении наряду с людьми, ведущими самостоятельное хозяйство, людей, теряющих или уже потерявших такую возможность. Рост экономического могущества и концентрация власти на одном полюсе, прогрессирующее обнищание и возрастающее бесправие — на другом создают возможность эксплуатации своих сородичей и соплеменников. И эта возможность начинает превращаться в действительность. Наряду с рабамичужеплеменниками объектом эксплуатации становятся соплеменники, причем первоначально лишь те из них, которые потеряли возможность вести самостоятельное хозяйство. За ними постепенно наступает очередь и остальных. Вслед за первым расколом общества на классы наступает второй раскол. Разгорается классовая борьба. Класс эксплуататоров в таких условиях уже не может удержать в своих руках власть, уже не может навязать свою волю обществу, не имея в своем распоряжении особого аппарата насилия, не совпадающего с обществом. С завершением процесса образования такого аппарата происходит завершение процесса становления государства и тем самым классового общества.

Если теперь подвести итоги всему сказанному, то получается следующая схема периодизации первобытной истории:

I. Эпоха первобытного человеческого стада — один из двух основных периодов, на которые делится история человечества, период становления человеческого общества. В ней выделяются: а) этап первобытного стада с неограниченным промискуитетом и б) этап первобытного стада с ограниченным (во времени) промискуитетом.

⁵¹ См. И. С. Вдовин, Из истории общественного строя чукчей, «Сов. этнография», 1948, № 3; Л. А. Файнберг, К вопросу о родовом строе у эскимосов, «Сов. этнография», 1955, № 1; его же, К вопросу о родовом строе у некоторых племен бассейна Амазонки, «Сов. этнография», 1957, № 1.

⁵² См. G. A. de Moubray, Matriarchy in the Malay peninsula and neighbouring countries, London, 1931, стр. 105, 113, 120.

II. Эпоха родового первобытно-коммунистического общества — первой конкретно-исторической формы существования сложившегося, сформировавшегося человеческого общества, первой общественно-экономической формации, в которой выделяются: а) фаза первобытного родового коммунизма и б) фаза семейно-кланового коллективизма.

III. Эпоха превращения родового общества в классовое. Эпоха существования общества, становящегося, но еще не ставшего классовым, которая, связывая родовую общественно-экономическую формацию с первой антагонистической, не относится ни к первой из «их, ни ко второй.

SUMMARY

The author offers and substantiates the following period division of prehistory.

1) The primitive horde period — one of the main two phases into which the history of mankind is divided — the period of the emergence of human society. This, in its turn, can be subdivided into: (a) the stage of the primitive horde with unlimited promiscuity, and (b) the stage of the primitive horde with limited promiscuity.

2) Tribal primitive-communal society — the first concrete-historical form of developed human society, the first socio-economic formation. It can be subdivided into: (a) the stage of primitive tribal communalism, and (b) the stage of family-clan collectivism.

3) The period of conversion of tribal society into class society, with the classes just emerging. Linking the tribal socio-economic formation and the first antagonistic (class) formation, it does not come under either the former or the latter.